

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 5

октябрь

2016

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Музыка осеннего леса

Осенний лес сегодня грустен. Тих.
Как будто на прогулку приглашает...
Он мудрой тишиной тебя встречает
И миром обитателей своих.

Призывом редким птичьих голосов
И жизнью той, что бережно скрывает
От суеты дорог и городов,
В которых человек себя теряет.

И если некуда тебе спешить,
Приди. Послушай музыку природы,
И ты услышишь, как уходят годы,
А мы ничто не в силах изменить.

*Николай Скобликов,
г. Нелидово*

Осенняя любовь

Зацелованной хочу быть и любимой,
Безрассудной, беспробудной от
любви

Всё прошедшее уже неповторимо,
Ты осеннюю любовь мне подари.

Листопад таких желаний не осудит,
Не остудит поздних чувств холодный
дождь.

Ворожить и завораживать нас будет
Нежный шёпот оголившихся берёз.

Горький привкус догорающей калины
По морозцу слаще мёда на губах.
Ах, осенняя любовь, ты так незримо
Ввысь уносишь на расправленных
крылах!

Зацелованной хочу быть и любимой,
Обогретой и оттаявшей, поверь!
В моём сердце столько нежности
и силы,
Что легко откроют запертую дверь.

*Наталья Шабанова,
г. Андреаполь*

Валерию Кириллову 70

Исполнилось 70 лет писателю и публицисту Валерию Кириллову. Член Союза писателей СССР (РФ), автор многих книг и множества публикаций в центральной и областной печати, заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Андреапольского района, лауреат премии «Слово к народу», он начал свой трудовой путь в андреапольской районной газете «По пути Ильича», был редактором районной газеты «Знамя коммунизма», свыше двадцати лет редактировал областные газеты «Смена» и «Калининская правды». Возглавляемые им издания неоднократно признавались победителями всесоюзных и всероссийских конкурсов и фестивалей. В 1990-1993 гг. Валерий Яковлевич был народным депутатом РФ.

Судьбе было угодно распорядиться так, что в возрасте 54 лет, после выхода антиглобалистской пьесы-фарса «Затмение», он оказался безработным, посвятив себя писательскому творчеству и проживая в основном на родине, в Андреаполе. Перу Кириллова принадлежат свыше 20 книг художественной прозы и публицистики. Только в последние годы появились его избранные «Остров спасения», книги «Свое и чужое», «Кому ты так обязан», «Ощущение рода», «Национальное или глобальное?», выдержало шесть изданий подряд объемное исследование о событиях 1991-1993 гг. «На разломе».

Свой юбилей Валерий Яковлевич отметил выходом романа «Не сошедшие с круга». Описанные в нем события происходят в первый год Великой Отечественной войны на западе Калининской области. В центре 540-страничного художественного повествования – судьба трех братьев Звонаревых, уроженцев деревни Загорье, и их односельчан. Значительное место отведено рассказу о деятельности 22-й и 29-й армий,

сыгравших важнейшую роль в боях с врагом под Великими Луками, Андреаполем, Калинином, Ржевом.

Писатель получил многочисленные поздравления из различных уголков страны и области. Вот что написал ему, в частности, коллектив областной библиотеки им. А.М. Горького: «Примите самые сердечные поздравления с Вашим юбилеем! Вы по праву пользуетесь заслуженным авторитетом как выдающийся писатель и публицист, настоящий русский интеллигент и подвижник, как мужественный, сильный духом человек. Вы заслужили всеобщее уважение за большую и плодотворную работу литературную и общественную деятельность в области просвещения и культуры Тверской области, за многогранный талант, доброжелательность к людям и активную жизненную позицию».

Присоединяемся к этим поздравлениям и шлем Валерию Кириллову свои наилучшие пожелания.

Раиса Маккар

г. Торонец

Раиса Маккар живёт в г.Торонец. Пишет стихи, многие из которых публиковались в различных коллективных сборниках как в России, так и на Украине. В стихах Раисы преобладает любовная тематика, однако в её творчестве находится место и для доброго юмора, и для пейзажной лирики. Патриотическая тема также отражена в творчестве автора. Недавно у Раисы Маккар вышел первый персональный сборник стихов «Как хочется жить...» Поздравляем автора с этим событием и желаем дальнейших творческих успехов.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Дом был брошен, засохли цветы,
Ветер забытые рвёт занавески.
В окнах забвения запахи резки,
Бродит по комнатам тень пустоты.

В комнатах там постоянно темно,
На занавесках качаются тени.
Гулкий, мучительный запах сирени
Снова в забитое рвётся окно.

Там половицы надрывно скрипят,
Ключья обоев на стенах свисают,
И почему-то никто не узнает –
Жизнь никогда не вернётся назад.

Дом тот стоит на развилке дорог,
Нет в нём хозяев, давно опустел он,
В дверь приоткрытую осень влетела...
Как же хозяин предать его мог?

Мы не узнаем причины тому,
Время придёт, старый дом тот сломают.
Или сожгут его, это бывает,
Да и грустить нам о нём ни к чему...

Где-то играет гитара,
Ветер шумит за окном.
Голос мелодии старой,
Той, что давно стала сном...

Ветки рябины в окошко
Стуком куда-то зовут.
Грустно сегодня немножко,
Где-то любимый, – не тут.

Голос гитары негромкий,
Только играешь не ты.
В лунном сиянии ломком
Вижу родные черты.

Где-то далёко-далёко,
В дальней, чужой стороне,
Милый, родной, ясноокий,
Ты не грустишь обо мне...

Полночной бабочкой Луна
Плывёт на тёмном небосводе.
А я люблюсь из окна,
И боль настырная проходит.

И посеребрены кусты,
Мерцает воздух и трепещет.
И света нет, и темноты,
И небо в сеточке из трещин.

А мы с тобой разлучены,
И долго ждать желанной встречи.
И лишь дыхание Луны
Украсит небо в этот вечер...

Я ждать тебя обречена,
Меня не ожидают кони.
И сыплет бабочка-Луна
Пыльцу от крыльев на ладони...

Звонит мелодия рассвета,
И эхом бродит тишина.
Ушло задумчивое лето,
И я одна. Опять одна.
Порхают первые снежинки,
На хрупких лужах- тонкий лёд.
Исчезли в небе паутинки...
А сердце ждёт... Напрасно ждёт!
Ещё вчера смеялась юность
И годы плавилась в огне.
Ушла весна. Зима вернулась,
Вновь заморозив душу мне..
Забыты клятвы, обещанья,
И стук закрывшихся дверей.
В несостоявшемся прощанье
Ушёл ты молча, поскорей...

Мне рецензии не пишут,
Ей-же-ей, плохи стихи....
Звонко дождь стучит по крыше,
Запах сваренной ухи.
Птичий гомон за окошком,
Ветки по окну стучат.
А на крыше чья-то кошка
Вся в охоте на скворчат.

Ох, возьму, наверно, палку,
Прогоню бродягу прочь.
На реке поёт русалка,
Лягушачья стынет ночь...

На природу полюбуюсь,
Ведь понятно и ежу:
Попечалюсь, поволнуюсь,
Всё равно же напишу!!!

ГРЕШНИЦА

Приду я в храм, склонюсь в молитве,
Прости мне, Боже, боль мою:
Как я люблю – не надо битвы,
Возьми же лучше жизнь мою!

И там, где были мы когда-то,
И где нам снова пребывать,
Склоню колени виновато
Пред Господом, и может стать,

Простит любовь мою земную,
Где грусть и радость пополам,
А я ему любовь святую
И душу грешную отдам!

Мне теперь уже не снятся
Поезда и корабли.
На часах почти двенадцать,
Спит, наверно, пол-Земли.

Только я лежу бессонно,
Взглядом потолок сверлю.
Месяц, по уши влюблённый,
Я по небу тороплю.

Только днём я сонной мухой
Молча по дому брожу,
Не хочу я быть старухой,
Годы в кулаке держу!

А хочу я на свиданье,
Как девчонка, полететь.
И не сплю от ожидания,
Просто некогда стареть!!

Где ты, мой ровесник милый?
Или спишь давным-давно?
Разбужу, ей-богу, силой,
Влезу поутру в окно!

Попрыгунья стрекоза

Стрекоза сидела на краю карниза для штор. Сама не знала, как залетела в эту комнату. Кто-то преследовал. Посмотрела вниз, обвела взглядом (своими огромными глазами в 52 D) пространство и увидела маленькую Девочку, лет одиннадцати-двенадцати, которая сидела в кресле. В руках она держала книжку и что-то читала. «Так, – сказала девочка, – теперь надо вслух, чтобы стихотворение запомнилось»:

Попрыгунья Стрекоза

Лето красное пропела;

Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза...

– Вот это новость, я, да ещё попрыгунья, – удивилась Стрекоза, рассматривая девочку, – да знаешь ли ты, как мне живётся? Там одни опасности. Только и успевай прыгать то от птиц, то от кошек, то от лобового стекла автомобиля (стрекоза в этом вопросе была знаток).

Девочка подняла кверху глаза, и Стрекозе показалось, что она заметила её.

– Да, да, именно от всего этого, – продолжила Стрекоза, – и нечего на меня смотреть.

Девочка, между тем, продолжала:

Помертвело чисто поле;

Нет уж дней тех светлых боле,

Как под каждым ей листком

Был готов и стол и дом.

– Это ты правильно сказала, Девочка, действительно, всё стало таким холодным, солнышко всё меньше греет. Каждый листок мне был домиком, но стоит налететь ветру, как я оставалась без крыши над головой. А у тебя, кстати, тепло, сквозняков нет.

Девочка продолжила:

Все прошло: с зимой холодной

Нужда, голод настает;

Стрекоза уж не поет:

И кому же в ум пойдет

На желудок петь голодный!

Злой тоской удручена,

К Муравью ползет она.

«Как к Муравью, зачем к Муравью?! – возмутилась Стрекоза. – Не нравится он мне. Он такой маленький, правда, работающий, всё лето туда-сюда. То с поленом, то с бревном, иногда и муху тащит на себе, а про листья уже и не говорю, и всё в дом, всё в дом. Что он с ними делает?».

Девочка подогнула под себя ноги, видимо, ей стало зябко от того, что прочитала, положила плед на колени, наверное, про зиму вспомнила.

«Я зиму одну пережила в чьей-то квартире. Залететь залетела, а вот вылететь уже не смогла, хозяева форточку закрыли, да ещё и уехали куда-то. Сначала летала по комнате в надежде на крошку чего-нибудь, так есть хотелось. С каждым днём становилось холоднее, и, совсем обессилив, свалилась куда-то за плинтус, так и уснула... до весны, представляешь, Девочка», – с гневом высказалась Стрекоза.

А басня длилась:

Не оставь меня, кум милый!

Дай ты мне собраться с силой

И до вешних только дней

Прокорми и обогрей!»

– Брр! Даже вспоминать не хочу, а она ещё и про еду читает. Муравей тогда, помню, раскричался: «Какой я тебе кум, я вижу тебя в первый раз», – стала возмущаться Стрекоза, – вот и обратись за помощью, так ещё и опозорит перед народом».

– Ой! Надо же, стрекоза у нас в комнате, – всё-таки заметила гостью девочка, – что стихотворение понравилось, слушаешь?

– Больно надо, – ответила Стрекоза, – вот, мимо пролетала, ветром затянуло, приходится слушать твою басню про меня. И кто только придумал, что я такая вся.

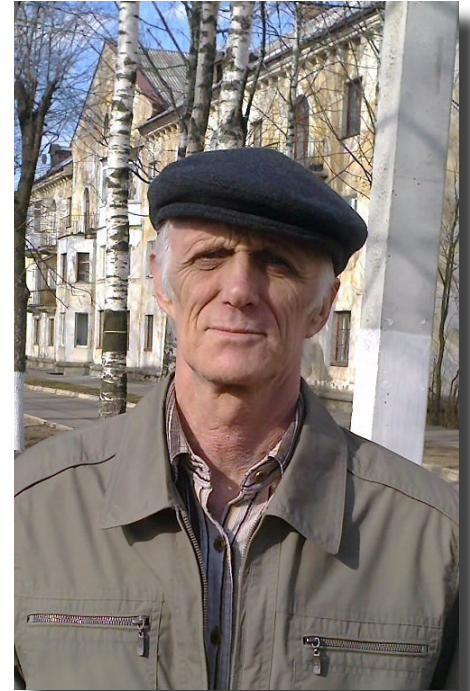
Девочка ещё раз взглянула на Стрекозу, конечно же, не услышав речей насекомого, и сказала ей:

– Ты дальше слушай, всё правильно

Иван Андреевич Крылов, про тебя написал:

Кумушка, мне странно это:

Да работала ль ты в лето?

Владимир Сучков

г. Нелидово

Представляем нашим читателям Владимира Сучкова из г. Нелидово.

Владимир – автор, предпочитающий жанр малой прозы. Он пишет короткие рассказы и очерки, которые публикует в периодических изданиях и Интернете.

– Ещё как работала, только крыльями сколько «намотала», благо они у меня большие как у самолёта, я видела, как они летают и полосы за собой оставляют. Интересно, чем они питаются? – вслух размышляла Стрекоза. – А что касается Муравья, больше он мне не кум, заявляю категорично. Где это было, чтобы кум своей куме не помог. Вообще-то, породниться с ним было бы неплохо, работающий малый. Что касается меня, работать, конечно, можно, но я ведь Стрекоза, моё предназначение... о, что-то на философию потянуло. Оставим это для ученых, я уж как-нибудь сама по себе.

Стрекоза сорвалась с места и полетела по комнате. В это время открылась дверь, и нашу попрыгунью, пролетающую мимо форточки, сквознячком вмиг вытянуло наружу. Она только и услышала: «Танечка, обедать!»

– И зачем я полетела, – расстроилась Стрекоза, – вместе бы пообедали. А вообще, стихотворение замечательное, а главное про меня, спасибо Крылову.

Девочка оглядела комнату, но стрекозы не увидела. «Обиделась, наверное», – подумала она, взяла свою брошь в виде стрекозки и пошла обедать.

Тропинки меж осенних листьев
рисуем мы за шагом шаг.
Натянут потеплее шарф,
и мысли в воздухе повисли
среди шуршащего ковра:
бросать перо, и в руки – кисти.
Мазками холст лессировать,
иль остороженько зачистить.
Не экономя красок, вдруг
опустошенья тюбик бросить.
В сплетении случайном рук
шаги продолжить. Это Осень?

*Сергей Воробьев,
г. Тверь*

В продувном биеньи листьев –
первобытный страх.
Осень прячет норы лисий в пламенных
кустах,
Стынет каплями рябины на лесных устах
И стрелой ястребиной ранит стаи птах.

Стал отчетливее видим дальний свет дорог.
Мы заметим, если выйдем за лесной порог,
Как крадется полосами сероспанных трасс
Время с волчьими глазами, целящими в нас.

*Игорь Столяров,
г. Нелидово*

Владимир Юринов

г. Андреаполь

Однажды Динка вернулась с улицы раньше обычного. Она кинула в угол мяч, стащила с ног кеды и, прошлёпав в комнату, присела на краешек дивана. Лик её был печален.

– Ну что, Динка-картинка, – оторвавшись на секунду от ноутбука, спросил папа, – нагулялась?

Динка вздохнула.

– Нагулялась.

Папа поднял голову и посмотрел на дочь повнимательней.

– А чего хмурая, как осенний дождик? Обидел кто?

Динка помотала головой. Глаза её подозрительно заблестели.

Папа снял очки, пристально посмотрел на Динку, а потом встал, подошёл к дивану и, присев рядом, обнял дочь за плечи.

– Ну, давай, рассказывай.

Динка привалилась к папе и шмыгнула носом.

– Понимаешь... – сказала она. – Все уехали... Кто на море, кто в лагерь, кто к бабушке... Кто куда... Даже поиграть не с кем... Сегодня только один Булкин вышел. А с ним неинтересно. Он толстый и неуклюжий. И устаёт быстро.

– Ну, мы тоже скоро на море поедим, – неуверенно сказал папа. – В Сочи, к тётке Фае.

Динка подняла голову.

– Когда?

– Скоро, – сказал папа. – Где-то, наверное, через месяц.

– Ого... – сказала Динка и, опустив голову, опять вздохнула. – Ещё только через месяц.

Некоторое время они сидели молча.

– Вот был бы у меня братик... – задум-

Динкина футбольная команда

чиво сказала Динка. – Или сестрёнка... Мы бы могли тогда вместе играть. И нам бы не было скучно.

– Это ты своей маме скажи, – в свою очередь вздохнул папа. – Я так совсем даже не против.

Динка вывернула шею и искоса, снизу вверх, посмотрела на папу.

– Так что, значит, мама против?

– Н-ну... – папа почесал затылок. – Мама вроде как тоже, в принципе, не против, но...

– Что «но»?

– Понимаешь... – папа оставил в покое затылок и принялся тереть подбородок.

– Как бы тебе это объяснить... Она вроде бы и хочет, но... Всё время какие-то более важные дела находятся. Ну, не более важные, конечно, а... первоочередные, что ли... такие, что надо вот сейчас вот срочно решить...

– Женские штучки? – понимающе прищурилась Динка.

– Н-ну... – папа неуверенно хмыкнул. – Можно это и так назвать.

– Ясно! – сказала Динка и решительно встала с дивана. – Маму я беру на себя.

– Подожди, подожди, – заволновался папа, – в каком это смысле «беру на себя»?

– Я с ней поговорю.

– Динка! – сказал папа и тоже встал. – Это ведь серьёзный разговор. Тут сгоряча нельзя. Тут осторожно надо. Дипломатично.

– Не волнуйся, – сказала Динка. – Что я, маленькая? Я всё понимаю. Я очень дипломатично...

За ужином Динка тараторила, не замолкая. Она пересказала родителям содержание всех мультиков, что от скуки пересмотрела за день, поведала о проделках рыжего кота, за которым она наблюдала из окна, и даже продекларировала сочинённое ею стихотворение про море, корабли и пиратов. Стихотворение, правда, было ещё не закончено, но Динка сказала, что до поездки на море она его непременно досочиняет, отпечатает на красивой открытке и подарит в Сочи тётке Фае.

И только в самом конце ужина, когда папа разлил по цветастым чашкам душистый чай, а мама поставила на стол корзину с печеньем, Динка перешла к самому главному.

– Мам, а тебе сейчас сколько лет? – болтая под столом ногами, беззаботно спросила она.

– Тридцать два, – откусывая печеньку, невнимательно ответила мама. – А что?

– А то, – сказала Динка. – Вот ты знаешь, что благоприятный ре-про-дуктивный возраст у женщин заканчивается в тридцать пять лет?..

Мама и папа синхронно поперхнулись чаем.

– Так что, – невозмутимо продолжала Динка, – если ты, конечно, ещё не передумала рожать второго ребёнка, тебе надо поторопиться.

– Дин-ка!.. – ставя чашку на блюдечко, ошарашенно сказала мама.

– Ну, Диана Алексеевна! – покачал головой папа. – Ты, однако, ещё тот дипломат!

Мама подозрительно посмотрела на него.

– Твоих рук дело?

Папа покраснел.

– Ну... э-э... Наших.

– Да! – решительно подтвердила Динка. – Мы вместе решили с тобой поговорить.

Мам, ну сколько можно тянуть?! Вы ведь мне с папой уже давным-давно братика обещали!

– Ой, Динка, ты так говоришь, как будто братик – это игрушка, – раздражённо сказала мама, – пошёл в магазин и купил. А не понравилась – взял потом и выбросил.

– Оксаночка, – ласково сказал папа, – у нас уже достаточно взрослая дочь. Она знает, что дети – это не игрушки. И, я думаю, что она будет тебе прекрасной помощницей. А когда надо, – и няней для малыша.

– Буду! – подтвердила Динка. – Вон Булкин и тот свою сестрёнку постоянно в коляске катает. И в молочную кухню за питанием для неё ходит.

– Вот видишь! – сказал папа, указывая маме на Динку. – Даже Булкин! А ты говоришь...

Мама по очереди оглядела своих собеседников.

– Сговорились, – укоризненно покачала головой она. – Партизаны... Заговорщики.

– Мам, так ты согласна? – Динка просительно заглянула ей в лицо.

Мама рассмеялась.

– Да согласна я, согласна! Куда от вас денешься! Насели на бедную женщину с двух сторон...

– Ура!! – заорала Динка и, спрыгнув со стула, оббежала стол и обняла маму.

– Ура! – негромко сказал папа и ласково погладил руку жены.

– Обормоты! – смеясь, качала головой мама. – Как есть обормоты!

– Ну ладно, – отрываясь от мамы, деловито сказала Динка. – Главный вопрос мы решили, теперь надо обговорить детали.

– Что ещё за детали? – насторожилась мама. – Что вы там ещё задумали?

– Динка! Ты э-э... Ты это о чём? – непонимающе захлопал глазами папа.

– Я сейчас! – Динка крутанулась на пятке и стремглав выскочила за дверь.

– Куда это она? – мама требовательно посмотрела на мужа. – Что ещё за детали?!

– Понятия не имею! – растерянно пожал плечами тот. – Ни о каких таких деталях мы больше с ней не говорили...

Через секунду Динка ворвалась в кухню

и, резко затормозив, положила перед мамой сложенную вчетверо газету.

– Читай! – переводя дух, потребовала она.

– Что читать? – испуганно глядя на газету, спросила мама.

– Там. Внизу, – сказала Динка. – Карандашом обведено.

Мама опасливо взяла газету и, найдя внизу страницы обведенную синим карандашом заметку, принялась читать:

– Австралийские близнецы. Двадцать девятого мая в австралийском городе Перт, что расположен на западном побережье страны, уроженка этого города тридцатилетняя Ким Туччи родила сразу пятерых близнецов. Все родившиеся дети – мальчики. Роды прошли без осложнений и длились всего несколько минут. Новорождённые и их мама чувствуют себя хорошо. Принимавший роды врач, доктор пертского перинатального центра Расселл Джи Боуи, отметил, что... – мама оторвалась от газеты и пристально посмотрела на Динку. – Ты зачем мне это подсунула?

– Мамочка, – убедительно сказала Динка, – если ты родишь сразу пятерых, то нас получится шестеро. И мы тогда сможем играть трое на трое в футбол. Сами, без всяких Булкиных. Представляешь?

После этих Динкиных слов папа повёл себя довольно странно. Он закрыл лицо руками и начал, тихо похрюкивая, сползать под стол. Мама неодобрительно посмотрела на него.

– Диночка, солнышко, – сказала она, – тут ведь дело такое. Тут ведь наперёд не знаешь, что получится. Может, один, а может, двое. Может, мальчик, а может, девочка.

Динка наморщила лоб.

– По-моему, – строго сказала она, – это всё... эти... двойные стандарты.

– Какие двойные стандарты, – не поняла мама.

– А такие, – сказала Динка. – Когда я леплю из пластилина, и у меня ничего не выходит, ты что мне всегда говоришь? Ты говоришь: старайся, Диночка, всё только от твоего старания зависит. А когда дело доходит до рождения ребёнка, взрослые говорят: как получится. По-моему, это типичные двойные стандарты.

В этом месте Динкиной речи папа хрюкнул особенно громко и почти полностью скрылся под столом.

– А по-моему, ты газет перечитала! – сказала мама, нервно откладывая принесённую Динкой газету на подоконник. – Тоже мне сравнила – пластилин и... Алексей! – переключилась она на мужа. – Ну, ты-то что молчишь?! Скажи что-нибудь! Видишь, как на меня тут дочь наезжает?!

– Вижу... – сказал папа, выбираясь из-под стола. – Вижу... Динка, ты действительно... С двойными стандартами ты того... Мама права – этот процесс совершенно непредсказуем. Может мальчик родиться, а

может – девочка. Ну, а если говорить о количестве, то тут есть определённая статистика. Чаще всего рождается один ребёнок. Реже – двойня. Ещё реже – тройня. А так, чтоб, как у этой несча... э-э... как у этой австралийской мамы, – так, вообще, бывает очень редко. Один случай на миллион. А может, и ещё реже.

Динка, закусив губу, внимательно смотрела на папу. На лице её читалось сомнение.

– Ну что, – спросил папа, – не убедил?

Динка покачала головой.

– Я всё же думаю, – тихо сказала она, – что если сильно-сильно постараться...

На этот раз, не выдержав, засмеялась мама.

– Динка!.. – вертя головой и всхлипывая, сказала она. – Нет... ты всё-таки неподражаемый ребёнок!

– Хорошо, Динка-картинка, – сказал папа. – Я тебе торжественно обещаю, что мы будем стараться. Правда, Оксан?

Мама, не переставая смеяться, кивнула.

– Правда... Уж постараемся.

Динкины глаза распахнулись во всю ширь.

– Правда?! Честное-пречестное слово?!

– Честное-пречестное, – подтвердил папа.

– Ой, папочка, я тебя так люблю! – Динка подскочила к папе и, привстав на цыпочки, чмокнула его в щёку, потом оббежала стол и, обняв маму, чмокнула в щёку и её. – И тебя, мамочка, я так люблю! Очень-очень! Ты у меня самая хорошая! Самая красивая! Самая... Самая-пресамая!

– А ты – подлиза!.. – смеясь, сказала мама, в свою очередь целуя Динку. – Ну, ладно, ступай к себе, нам с папой тут ещё поговорить надо.

– Об этом самом? – делая заговорщицкий вид, спросила Динка.

– Об этом, об этом, – улыбаясь, подтвердила мама.

Динка понимающе кивнула и направилась к двери.

– А можно я ещё немножечко мультики посмотрю? – останавливаясь на полпути, спросила она. – А то я «Машу и медведя» ещё не все серии досмотрела.

– Никаких мультиков! – строго сказал папа. – И так целый день сегодня из телевизора не вылазишь. Лучше книжку возьми. Там у тебя, по-моему, ещё «Том Соьер» лежит недочитанный. Так?

– Хорошо, – покладисто сказала Динка. – Том Соьер, так Том Соьер.

Она вышла из кухни и тихонько прикрыла за собой дверь.

Через мгновение дверь снова приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась Динкина голова. Несколько секунд голова молча переводила взгляд с папы на маму и обратно, а потом просительно сказала:

– Только вы очень сильно постарайтесь. Очень-очень-преочень! Ладно?

* * *

За полем нашим лес еловый
Открыть тропинку не спешит,
Заворожен я тайной новой,
Лес любопытство тормозит.

Что прячет он во чреве темном:
Добро иль злобу меж дорог,
Иль осень спрятал в зелье сонном,
Чтоб не спешила на порог?

Подросток малый перед лесом
Непроходимую стеной
Стоит, как темная завеса,
Как щит, ничем не пробивной.

В шатер раскидистый зеленый
Не пропускает он траву,
Приходится ей, опаленной,
Убежище искать во рву.

Свет фитиля не освещает,
Но в темных залах дорог он.
Так темень леса украшая,
Огнем зажегся рыжий клен.

**Виктор Голубев,
г. Нелидово**

* * *

Не спешит с уходом нынче осень.
Не роняет золото и медь.
И костёр рябины в куще сосен
Не успел ко времени сгореть.

И она, назло ветрам и стуже,
Вся в убранстве гордая стоит.
В небе – синь, на улице – ни лужи,
День медовым солнышком залит.

Настоялась осень, разомлела,
Щедро преподносит нам дары:
Сопками брусники заалела,
Белых накидала: НА! СОЛИ!

Стайками лисичек разбежалась,
Рыжиков наторкала под ель
И сосновой лапкою прижалась
К тоненькому клёну под капель.

Задрожала медью на осинах,
Золотом берёз сплела косу.
Разгулялась свадьбой лосиной
И шептаньем листьев навесу.

**Наталья Шабанова,
г. Андреаполь**

ПЯТКА

продолжение

В понедельник я пришла на работу. Все улыбались мне. В воздухе витало какое-то праздничное настроение. Не успела устроиться за компом, как в кабинет влетел Сергей Вадимович.

– Анечка! Пляши! Крайнов прислал тебе приглашение. Вот, смотри!

Главный помахал у меня перед носом оранжевым конвертом.

– Завтра тебя ждут в частной мастерской. Ты представляешь? Он пригласил тебя к себе домой! Он никого туда не приглашает. Все записывай, все - все-все.

Начальник вдруг покрылся пятнами, кинул на стол конверт и убежал.

– Эк его, – протянула Светлана Юрьевна, – даже жалко бедняжку. Он же уже анонсировал интервью. Вот и сходит теперь с ума.

В среду утром я вышла из парикмахерской в отличном настроении. Сегодня интервью с художником. Сейчас выпью чашечку чая и помчусь на встречу. Я заскочила в маленькую кафешку. Молодой официант быстро подошел ко мне:

– Чашечку чая.

– С бергамотом, – я откинулась на спинку стула.

– Пирожные, чизкейки, профитролы, меренги, мафины.

– Мне только чай.

Официант скривился и уплыл.

Чай, действительно был хорош! Я полчаса наслаждалась, слушала негромкую музыку и думала об интервью. У меня был заготовлен целый ряд вопросов. Но как пойдет, не знаю. Художники – странные люди. Впрочем, как и все творческие натуры. Расплатившись за чай, я помчалась в метро.

Мастерская Крайнова занимала квартиру-студию на первом этаже. Художник распахнул дверь и улыбнулся. Мне стало неловко. Я вспомнила больницу. Потом, тряхнув гривой, я вошла, протянула руку и сказала: «Анна».

– Мы вроде знакомы, – снова заулыбался Никита. – Проходите. Кофе хотите?

– Конечно, – закивала я головой. – Очень хочу.

Крайнов провел меня в комнату.

– Пару минут, – сказал он и исчез.

Я огляделась по сторонам. Никакой мебели. Мольберт. Краски. В самом углу журнальный столик и два кресла.

– Прошу, Анна! – художник принёс поднос с дымящимся кофе. Подвинул кресло, поставил на столик вазочку с шоколадны-

ми конфетами.

– Я готов ответить на ваши вопросы, – художник внимательно посмотрел на меня.

– У вас есть любимые художники? – спросила я.

– Конечно. Айвазовский, например. А у вас? – неожиданно спросил он.

Я растерялась. Но потом ответила:

– Из портретистов люблю Боровиковского.

Никита помешивал кофе.

– А к Левитану как относитесь?

– Сказать, что я его люблю, это ничего не сказать. Левитан – это жизнь. Хотя почти все его картины грустные. Но это особая грусть.

Я замолчала. В детстве мама возила меня в Плёс. Крохотный городок, в котором жил Исаак Левитан. Я лазила на высокие холмы. Пыталась смотреть на всё глазами художника. Из Плёса я приехала очарованная великой живописью.

– А вот Репин меня настораживает, – продолжила я. – Понимаю, что прекрасные картины, но мне как-то не по себе.

– А вы знаете, что почти все натурщики Репина умерли, после того, как позировали ему?

Я чуть не подавилась кофе.

– Как умерли?

– Так. Позировали художнику и вскоре умерли в расцвете лет.

– Подождите, – не согласилась я. – А как же Третьяков? Он позировал Репину и прожил после этого ещё много лет.

Никита улыбнулся.

– А вы видели портрет Третьякова?

– Конечно.

– И как он там изображен?

– Ну, сидит в профиль.

– Вот именно, – перебил меня художник. – В профиль. То есть он не смотрел в глаза художнику. Существует легенда, что некоторые художники обладают сумасшедшей энергетикой. Есть такие, которые выплёскивают свою энергетку на полотно. Это полотно становится чуть ли не животворящим. Как икона, например. А есть художники, которые наоборот забирают всю энергию у натурщика и тоже передают это своей картине. Правда, натурщик после позирования долго не живёт. У него не остаётся жизненных сил. Вот про Репина ходили слухи, что он обладал, именно, такой энергетикой.

– Но Третьяков?

– Что Третьяков? Он не смотрел в глаза художнику. А значит, художник не мог забрать его силы. Хотя... Это всего лишь легенда.

– Ничего себе легенда, – пробормотала я.

Крайнов внимательно смотрел на меня. Немного смутившись, я попросила его показать картины.

– Извините, все не могу, – твёрдо сказал он. – Но некоторые, пожалуйста.

Поставив чашечку на стол, Никита при-

Ольга Алексеева

г. Нелидово

гласил меня в большую комнату. Комната была светлая. На стенах висели картины. Я сразу обратила внимание, что на картинах, в основном, была изображена природа. Но всё же несколько портретов я увидела и сразу подошла к ним.

– Даа, интересно, кто же ты, Никита Крайнов? Второй Репин или второй Левитан? И можно ли тебе позировать?

Посмотрев портреты, я поняла, что Крайнов не может быть вторым. Он просто Никита Крайнов, художник. Настоящий художник.

На одной картине я увидела уже знакомую женщину. Это была его мама. От картины веяло таким теплом и нежностью, что я невольно начала улыбаться. Никита, прислонившись к стене, наблюдал за мной. Убрав с лица дурацкую улыбку, я стала рассматривать другие картины. На многих были изображены горы. Горы в снегах, горы в предзакатных лучах, горы в лунном полумраке. Интересно.

– А что же я не вижу у вас Фудзиямы?

Брови Крайнова удивлённо поползли вверх.

– При чём тут Фудзияма?

– Ну, вы же несколько лет жили в Японии. А какая же Япония без Фудзиямы?

– Вдруг Никита захохотал. Причём громко, как мальчишка.

– Чёрт, – подумала я. – Точно эта Верочка что-нибудь напутала.

Никита вытер ладонью слёзы, выступившие от смеха.

– У вас, Анна, неверная информация. Я никогда не был в Японии. Я два года жил в Тибете.

– В Тибете?

– Да. Так что Фудзиямы на моих картинах вы пока не увидите. Если только не соберусь в ближайшее время посетить страну

восходящего солнца. Вы, Анна, смотрите, а я пойду сварю ещё нам кофе. Вы ведь не торопитесь?

– Нет-нет, – поспешно сказала я. – Мне на самом деле не хотелось уходить.

Оставшись одна, я медленно переходила от одной картины к другой. Неожиданно мой взгляд наткнулся на полотно, стоящее на полу. Картина была перевернута. Я попыталась приподнять её, но она оказалась тяжёлой. Тогда я медленно развернула картину и ахнула. На меня с полотна смотрела девушка удивительной красоты. Её голубые глаза были полны необычайной грустью. Казалось, она смотрит в самое сердце. Тонкие пальцы сжимали веточку белого шиповника. Острый шип проколол кожу, и на белом дрожащем лепестке алея капелька крови. Казалось, капелька вот-вот упадёт на землю, а девушка вскрикнет и приложит раненый пальчик к губам. Потрясённая, я даже посмотрела под ноги. Нет ли здесь капельки крови? Брр.

– Ну, вот и кофе!

Я оглянулась. Никита держал в руках поднос. Его взгляд остановился на картине, которую я держала обеими руками. Я увидела, как заиграли желваки на скулах Крайнова, как помрачнел его взгляд. Не зная, что сказать, я осторожно развернула картину и подошла к художнику. Он не смотрел в мою сторону. Молча поставил на столик поднос, развернулся и вышел в кухню. Кофе дымился и изумительно пах. Но мне не хотелось кофе. Мне хотелось плакать. Постояв ещё минут пять для приличия над чашками со стынувшим кофе, я вышла в кухню. Крайнов стоял у окна ко мне спиной. Я молча взяла свою сумочку и пошла к выходу. Никита не обернулся. Ну, и чёрт с тобой!

Глупо. Очень глупо всё получилось. Уже прошёл целый час после того, как захлопнулась дверь за этой журналисткой. Уже кофе в чашечках стал ледяным. А на душе у Крайнова было препогано. Он сам себе казался противным, но ничего не мог с собой поделать. Никто не должен был видеть эту картину! Он бился над ней второй год! Он плакал над ней, он хохотал над ней. Но никому её не показывал. Потому что Элька с картины не улыбалась ему. Иногда Никите казалось, что он сходит с ума. Даже ночью он мог вскочить и броситься рисовать.

– Что же ты мучаешь меня, сестрёнка? – спрашивал он, когда в очередной раз с картины смотрели на него глаза, полные боли. Но сестрёнка ничего не отвечала ему. Просто смотрела прямо в сердце. И тогда он, в который уже раз разворачивал картину к стене и писал всё новые и новые пейзажи, портреты. Всю свою боль он выплёскивал на холст. Ах, как же ему хотелось подарить всем радость! Но радость пряталась, сжималась. А боль разливалась по всем его холстам. Даже самым светлым.

Только в Тибете он на какое-то время за-

былся. Если бы ему разрешили, он остался бы там навсегда. Сейчас он понимал, что невольно обидел Анну. Но ничего не мог с собой поделать. Она не должна была видеть картину. Телефонный звонок прервал его мысли.

– Никита, ты чем занят?

– Иван, – хрипло сказал Крайнов. – Мне очень плохо.

– Что?! – закричали в трубке. – Жди меня! Я еду!

Через полчаса Иван был здесь.

– Так, быстро собирайся, едем по девочкам.

– Не хочу я никаких девочек.

– Ну, не хочешь и не надо. Поедем в бар, расслабимся. Я же вижу, с тобой опять что-то происходит.

Вообще-то я отходчивый человек. Вот не умею долго обижаться. А сейчас вижу, как оплёванная. Только что сдала материал о художнике. Шеф очень нахваливал меня. Секретарша, и та что-то щебетала о рейтинге, который непременно повысится после моей статьи.

Ах, Верочка, Верочка, знала бы ты, какой кровью мне вылился этот материал. Горло сжимали спазмы. Светлана Юрьевна несколько раз подозрительно посмотрела на меня. Я тут же натягивала дежурную улыбку и тупо смотрела в компьютер.

– Аннушка, – пропела Светлана. – Тебе не плохо? Что-то ты выглядишь неважно.

Я кивнула головой, потом закрыла лицо руками.

– Да ты совсем бледная. Иди-ка ты домой. Я сама всё скажу Сергею Вадимовичу.

Спустившись в холл, я набрала Ленкин номер.

– Лен, приходи ко мне. И захвати водку.

– Что? – пискнули на том конце. – Ты же не пьёшь водку! Давай, хоть коньяк.

– Мне всё равно. Только быстрее. Иначе я умру.

– Всё! Бегу!

Уже битый час пьяная Ленка мучила «караоке». И песни всё выбирала тягучие и плакучие. Тянула скрипучим голосом, шмыгала носом и вытирала слёзы. Уж очень ей нравились эти песни.

– Там дде клён шуумит, над речнооой-волноой, говорили мы о любви с тобоойй, – надрывалась Ленка.

Я сидела абсолютно трезвая с пустой рюмкой в руке. Ну, не умею я пить водку! И всё же мне стало немного легче. Во-первых, появилось чувство лёгкого превосходства над пьяной подружкой. Это, знаете ли, для женщины много значит. Во-вторых, я была благодарна своей Ленке за то, что она примчалась, бросив свои дела, и одним своим присутствием привела меня в чувство. Теперь я трезво оценила всё случившееся.

Никита Крайнов – это моя работа. И не более того! Мало ли что могло мне пока-

заться. Натура у меня такая, творческая и влюбчивая. Всё нормально. Спасибо, подруга.

Крайнову было плохо. Чугунная голова никак не могла оторваться от подушки, во рту – пустыня. Прямо в глаза светил упрямый солнечный луч, а увернуться от него или спрятаться под одеяло, не было сил. Кое-как разлепив веки, Никита попытался приподняться. Вдруг локоть коснулся чего-то тёплого и мягкого. Повернувшись, Крайнов увидел рядом с собой голое плечо. Всё ясно. Вместе с ним в постели мирно сопела рыжеволосая красавица. А может, и не красавица? Никита осторожно отбросил с лица спящей девушки волосы. Ндаа, надо ж так было напиться... Этому созданию явно было не более восемнадцати. На курносом лице проступали подростковые прыщички. С ресниц свисали комочки туши. Всё. Докатился до малолеток. Никиту резко затошнило. Он со стоном повернулся и сполз с кровати.

– Ничего не помню.

В ванной он сунул голову прямо под кран с холодной водой и стал жадно пить. Немного придя в себя, Никита вытерся полотенцем, посмотрел в зеркало:

Хорош, голубчик.

Он помнил, как Иван притащил его в бар. Затем Иван заказал шампанское и виски. Ещё Никита помнил, как они плясали. Заказывали почему-то «Чунгу-Чангу», прыгали вместе с какими-то девицами. А что дальше? Тут Крайнова прошиб холодный пот. Он вспомнил, как предлагал кому-то замуж. Кому? Этому рыжеволосому тинейджеру, который сопит сейчас у него в постели? А может ещё кому? Боже, как стыдно!

Осторожно, стараясь не скрипнуть дверь, Никита вышел из ванной. Немного постояв перед спальней, он развернулся и пошёл в кухню.

– Ба! Какие люди!

Возле плиты стоя Иван и над чем-то колдовал. Пахло вкусно. Но при виде еды Никите снова стало плохо.

– Ты что такой кислый? Плохо? Так у меня пиво в холодильнике есть. Ты, давай, сегодня отлеживайся, а завтра на телевидение.

– Какое телевидение?

– Ты забыл? – брови Ивана поползли вверх. – У нас запись. Ты приглашён в студию. Этот шанс нельзя упускать.

Никита тяжело опустился на стул.

– Не хочу я никакого телевидения. Не хочу никакой известности. Я просто хочу рисовать.

– Ага, – поддакнул Иван. – И работать по ночам дворником, чтобы не сдохнуть с голоду. Ты о матери забыл? Сам знаешь, сколько стоят сейчас лекарства.

продолжение следует

Эти руки

МАМИНЫ РУКИ

Эти руки не заласканы, не захолены, не ухожены,
И болят они, натружены, каждой трещинкой, всюю кожей.
И покоя не бывает им – то готовить, то стирать,
Полоть грядки в огороде, простыней утюжить гладь.
А когда минутка выпадет между делом отдохнуть,
Тянутся к клубочку с нитками – руки вяжут что-нибудь,
Чтоб порадовать обновкою мужа, дочек и детей,
Хоть пальцы гнутся так неловко и им бы уж не до затей.
А когда-то были легкими, из забот сплетая дни...
Годы давят, не по-прежнему, трудно трудятся они.
Руки жесткие, с морщинками, но роднее не сыскать.
Руки мамыны, спасибо, что нам смогли так много дать!

*Галина Андреевко,
Пено – Тверь*

МОЗОЛИ

Мне говорят:
– Вот, пишешь ты стихи,
И пальцы так намял,
И кожу стёр.
Но, друг, мозоли-то
не от сохи...
– Не от сохи.
Я –э-
лектро-
монтёр!
И на моих ладонях –
да,
мозоли,
И стал я городской,
но я – «пашу».
И руки ломит
по ночам от боли...
И, может быть,
поэтому пишу.

*Игорь Квасов,
г. Дубна*

БЕЗ СЛОВ

Словно птицы пред отлетом, бьются руки,
стонут руки в ожидании разлуки.
То в замок сплетутся, намертво застынут,
оживая вновь, панически заспорят:
разомкнуться, расцепиться – горше горя;
и опустятся на плечи, стиснут спину.

Но ни звука, что ни слово – ложью будет,
прозвенит стеклянным шариком на блюде.
Только руки, только пальцы и ладони...
В их касаниях тепло и трепет тела,
и мелодия до верхнего предела
вознесет тела, и горе в ней утонет.

*Маргарита Петрова,
г. Андреаполь*

В окошке вагонном
Мелькает бессонно
Унылая степь, надоедливый дождь.
Мелькают дороги,
И шепчут тревоги:
Счастливую встречу напрасно ты ждёшь!
Наутро перрон,
Остановка вагона,
Встречающих редкий, промокший поток.
Плацкартный вагон
Выпускает бессонно,
И влажного ветра встречает глоток!
И в сетке дождя
Твой задумчивый город.
И номер холодный меня приютит.
Трамвай уходя
Под окном протрезвонит
И голубь голодный ко мне прилетит.
Окно я закрою,
Холодные брызги
Мне ветер забросит как осени дар.
Но сердце с тобою,
И солнышком чистым
Пылает любви моей нежный пожар.
И снова тебя
Дождаться я буду,
А дождик осенний всё моет стекло.
И вот она, встреча,
Подобная чуду,
И рук твоих милых родное тепло...

*Раисы Маккар,
г. Торонец*

Благодарю! Твой жест простой,
Два слова только в утешенье,
Душе, измученной тоской,
Как долгожданное прощенье.
Благодарю! Ты смог понять
То, что в душе моей горело,
То, что в стихах не передать,
Когда б я даже и посмела.
И что слова? Лишь только звук.
Глаза – души моей скрижали.

И руки, что взметнулись вдруг,
Меня к груди твоей прижали.
Благодарю! Я этот миг
В душе своей лелеять буду,
И теплых рук кольцо твоих
и умирая не забуду.

*Людмила Леоненкова,
г. Белый*

Каждый раз, «отдыхая» в больнице,
Регулярно, два раза на дню,
Подставляю свои ягодицы
Под прелестную руку твою.

На ладошке кожа так нежна,
Как и, впрочем, на ягодице,
Встреча этих двух тел неизбежно,
Неминуемо совершится!

Зуд сближенья так мягок и сладок,
Что решительным жестом – вот так!
Опускаю резинку до пяток,
Чтоб полней совершился контакт!

Я испил эту чашу, а толку –
Ведь недаром в эмблеме змея, –
Зажимая меж пальцев иголку,
Лишь обиденно колешь меня...

*Петр Бобунов,
г. Нелидово*

ОБЪЯТЬЯ РЕБЁНКА

Я захлебнуться радостью боюсь
И потерять боюсь то ощущение,
Которое на шее вместо бус,
Нежнее шёлка, легче дуновенья.

Оно, как свет, объятье детских рук,
Морской прилив, жемчужное сиянье,
Оно – лекарство от сердечных мук,
И от недугов прочих – заклинанье.

Что может быть теплее и милей
Ладонек детских, аромата кожи?
Они, как пара белых голубей,
Приносят счастье,

и надежду тоже!

*Наталья Шабанова,
г. Андреаполь*

Создания, обречённые на муки
Всё так же робко верят в благодать,
Но в миг бессилья опускают руки,
Что им даны дарить и созидать.

Внутри лелея тихий свет надежды,
Они дрожат, как свечи под Рукой,
Что сбросит прочь их бранные одежды,
А тёплый свет возьмёт к Себе в покой.

*Игорь Столяров,
г. Нелидово*